

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/770177>

Консорт

Направленность: Гет

Автор: [sneetchstar](#)

Переводчик: [Isis \(https://ficbook.net/authors/187073\)](https://ficbook.net/authors/187073)

Оригинальный текст: <http://archiveofourown.org/works/9594155/chapters/21683999>

Фэндом: Изумрудный город

Пейринг или персонажи: Лукас/Дороти

Рейтинг: NC-17

Жанры: AU

Размер: планируется Миди, написано 47 страниц

Кол-во частей: 6

Статус: в процессе

Описание:

Дороти присоединяется к ведьмам и находит свое призвание в Оз. AU после 1x05

Посвящение:

Sneerstar for the great story

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Часть первая	3
Часть вторая	7
Примечание к части	14
Часть третья	15
Часть четвертая	22
Часть пятая	33
Часть шестая	42

Часть первая

— Он твой консорт?

Вопрос Госпожи Уэст звенит в тишине комнаты. Это простой вопрос, но, падая с ее губ, он истекает двойным смыслом.

— Э... Да, наверно, — отвечает Дороти, оглядываясь на все еще не пришедшего в себя Лукаса, прикованного к стулу, на шее — все еще металлический ошейник.

Уэст привела ее к этой комнате несколько минут назад, и когда Дороти ринулась к своему бессознательному... Другу? Возможному любовнику? И выдохнула его имя, Уэст склонила на бок голову и подняла брови, задумчиво сжав губы.

— Он утверждает, что ничего не помнит о своем прошлом, — говорит Уэст, решая не поддаваться любопытству касательно природы отношений этой девчонки и стража.

— Это правда, он ничего не помнит, — отвечает Дороти, не отрывая глаз от его склоненной головы и нежно глядя его по волосам. — Почему он все еще скован?

Уэст нетерпеливо фыркает, затем машет рукой. Кандалы на его руках звякают и падают на пол, ошейник на шее раскрывается. Дороти быстро протягивает руку и ловит его прежде, чем ошейник падает к нему на колени. Она кладет его на пол.

— Он *утверждает*, что не хочет вспоминать, кем был, — продолжает Уэст, начиная ходить взад-вперед. — Он *утверждает*, что хочет быть... Как он это сказал...?

— Тем человеком, который он сегодня, — мягко добавила Дороти, беря его руку в свои.

— Вы искренне заботитесь друг о друге, — говорит Уэст слегка удивленно. Дороти не отрывала от него взгляда с тех пор, как вошла в комнату, едва уделяя внимание Уэст, и то, едва-едва и когда она напрямую к ней обращалась.

После этого замечания Дороти понимает голову и прямо смотрит на ведьму:

— Да.

— А девочка?

— А что девочка? — Вежливо спрашивает Дороти, вновь возвращая свое внимание к Лукасу. — Очнись, Лукас, — шепчет она.

— Кто она?

— Мы не знаем. Она нашла нас и вроде как... Привязалась. Она просто маленькая испуганная девочка, — солгала она, надеясь, что сейчас Уэст не поймает ее на лжи, ведь ее лицо было повернуто к Лукасу. — Не обижай ее или Тото, они ни в чем не виноваты. Никто из них не сделал ничего, чтобы заслужить наказание, так что просто... Оставь их

в покое, — просит Дороти громче.

Лукас начинает шевелиться, мягко застонав. Дороти падает на колени и умоляюще шепчет его имя.

Уэст шагает ближе, наблюдая за ними с неприкрытым интересом.

— Дор... — Бормочет Лукас.

— Лукас, я здесь, — говорит Дороти, поднимая руку к его щеке. Он грязный и перемазанный кровью и еще непонятно чем, но выглядит живым и в целости.

— Дор-рти, — невнятно бормочет он своим низким, хриплым голосом.

— Я здесь, я здесь... Они больше не будут тебя пытаться, — говорит она, поворачивая голову, чтобы быстро взглянуть на Уэст.

Ведьма с невинным лицом поднимает руки, показывая, что сдается.

Его глаза, серо-голубые и сонные, медленно открываются. Постепенно, они фокусируются на Дороти, и он вновь зовет ее по имени.

Она приподнимается и целует его, обнимая его лицо руками, и роняя несколько слезинок. Его руки обвивают ее талию, притягивая ее ближе, пальцы впиваются в ткань рубашки, поцелуй становится глубже.

— Я думал... Я думал, что больше тебя не увижу, — говорит он, когда они разделяются.

— Похоже, тебе просто так от меня не избавиться, — отвечает она, прижимаясь лбом к его лбу.

Внезапно он распахивает глаза:

— Где Сильви? — спрашивает он с беспокойством.

— Девочка и собака в целости, — отвечает Уэст.

Дороти подпрыгивает, совершенно позабыв о присутствии ведьмы.

— Она спала в моей комнате, когда я ушла, — говорит она.

— Одна?

— С ней Тото.

Лукас расслабляется.

— Хорошо, — затем он смотрит на Уэст. — Что ты собираешься с нами сделать?

— Сделать? Зависит от тебя, — говорит Уэст. — Твоя ведьма свой выбор сделала... Она выбрала присоединиться к нам, сражаться с тиранией и невежественным страхом режима Волшебника.

— Ведьма? — спрашивает Лукас, глядя на нее. — Так... Значит, ты это приняла?
— спрашивает он. Он знает, что видел в крепости госпожи Ист, и знает, что, верит она или нет, его Дороти в каком-то смысле ведьма.

Дороти делает жест, одновременно похожий на кивок и пожатие плечами:

— У меня не было особого выбора... Слишком много странностей случаются вокруг меня — и со мной, чтобы продолжать это отрицать.

— И что выберешь ты? Ты останешься на ее стороне или вернешься к Страже Волшебника? — спрашивает Уэст.

Лукас смотрит на нее с изумлением:

— У меня есть выбор?

— Разумеется. Все в жизни это выбор, — отвечает она. — Ты может и не помнишь, как стал пугалом, но туда тебя привели твои выборы.

— Я останусь с Дороти, — немедленно отвечает он, напоминая о его позабытом прошлом сделало его решение проще. Он вновь повернулся к ней, заправляя прядь волос за ее ухо. — Пока она хочет меня, я останусь с ней. Защищая ее.

— Очень хорошо, Ро...

— Лукас, — рычит он, обрывая ведьму. — Мое имя. *Лукас*.

Губы Уэст складываются в коварную улыбку:

— Очень хорошо, *Лукас*, ты остаешься консортом и защитником Госпожи Дороти.

От этого термина — «консорт» — его брови хмурятся, но он кивает:

— Спасибо.

— А теперь. Прежде чем мы продолжим, тебя нужно очистить. Посвятить, — говорит Уэст. — Вас обоих.

— Обоих? — Переспрашивает Дороти, поднимаясь на ноги. Она все еще держит Лукаса за руку и помогает ему встать. Его ноги дрожат.

— Да. Вы оба грязные и должны очиститься, — отвечает Уэст, направляясь к двери. Она дергает ее и затем кричит. — Тип!

Пока они ждут, Лукас притягивает Дороти к себе, складывает подбородок на ее макушку, и они вместе готовятся встретить новый виток их путешествия. Вместе.

Часть вторая

Церемония очищения на деле была не такой приятной, как называлась.

Она была скорее изнурительной, особенно, для уставшего Лукаса.

Казалось, что Дороти и Лукас стоят на коленях на каменном полу уже несколько часов, пока Тип поливал* их сверху водой большую часть церемонии — и так они стояли, пока не перестали чувствовать ног.

А вода была холодной.

Уэст кружила вокруг, говоря на странных языках, время от времени присоединяясь к ним, прижимая их лбы друг к другу, создавая довольно интимную, странную сцену.

В конце концов, Дороти не могла сказать, что была «очищена», но зато она была чуть менее грязной.

Менее грязной, но мокрой и дрожащей.

— Ладно, с этим разобрались, — в конце концов объявляет Уэст таким тоном, словно они только сделали нечто совершенно обычное и рутинное. — Кто голоден?

Лукас тут же кивает:

— Умираю от голода.

— Переодевайтесь... Ужин подадут через час, — отрывисто говорит Уэст, махнув рукой служанке.

— Идите за мной, — равнодушно просит девчонка.

Она ведет их к двойным дверям, затем открывает одну створку.

— Это не та комната, в которой я была, — не решаясь войти, говорит Дороти.

— Вам дали новые комнаты, госпожа Дороти, — сообщает девушка без всякого энтузиазма.

— А Сильви? Она...

— Она уже внутри. Она — и собака — не подпускали к себе никого, кроме Тип, — проинформировала их девушка, очевидно, не в восторге от новой служанки.

Лукас заходит внутрь, ища маленькую девочку. Дороти быстро бормочет благодарность, прежде чем последовать за ним.

Покои состоят из нескольких просторных комнат, и они слышат голос Тип за одной из

дверей.

— Сильви? — Зовет Лукас.

— Тип? — Добавляет Дороти, постучав.

Дверь открывается, и маленькая Сильви приветствует их с улыбкой, такая чистая, какой Дороти ее еще не видела. Она кидается вперед и обнимает Лукаса.

— Ты прекрасно выглядишь, малышка, — говорит он, глядя ее сияющие волосы.

— М-мокрый, — тихо говорит Сильви, чуть отстраняясь. Затем она обнимает Дороти, хотя она такая же мокрая.

— Когда она начала говорить? — Бормочет Дороти Лукасу, широко распахнув глаза.

— Вчера, — шепчет он. — Совсем немного.

Сильви отходит от Дороти и поворачивается к Тип, который держит приготовленное полотенце.

— Спасибо, Тип, — говорит Дороти.

— Она доверяет мне только потому, что я помог тебе, — отвечает он, аккуратно промокая те пряди Сильви, что намокли.

— Здесь мало кому можно доверять, — отвечает Дороти.

Тип кивает.

— Знаю, — он поворачивается, чтобы повесить полотенце, и Дороти касается его плеча.

— Я знаю, что ты знаешь, — она поворачивается было, чтобы выйти, но голос Тип ее останавливает.

— Я должен показать тебе твои комнаты.

— Ладно, — говорит Дороти.

Тип вздыхает и проходит вперед.

— Это была комната Сильви, — он указывает назад. — Это, понятное дело, главная комната, — говорит он, ткнув в центральную комнату. — Спальня, — указывает он.

— Здесь есть ванная. Другая тут, — указывает он на третью дверь.

Дороти моргает, замечая, что кроме комнаты Сильви есть только *одна* спальня. Она оглядывается на Лукаса и видит на его лице вопрос, который он не может озвучить, но ей кажется, что она его понимает.

— Вам нужно сполоснуться и переодеться к ужину, — говорит Тип. — Вы найдете одежду в гардеробах, — он направляется к выходу, но затем останавливается. — Собаку на ужин брать не надо, я принесу ей еду, — добавляет он и исчезает.

— Эм, ладно, — говорит Дороти. Она оглядывается на Сильви — девочка сидит с Тото, задумчиво глядя его. Тото счастливо пыхтит и со вздохом складывает свою голову ей на колени. От ласки его глаза закрываются. — Думаю, мы просто... Ну да, — она заходит в спальню и видит посреди комнаты огромную четырехместную кровать с красным вельветовым балдахинном. У одной стены два больших гардероба, между ними дверь, ведущая к ванной. У другой стены — зеркало во весь рост и широкие окна.

— Похоже, мы будем жить вместе? — наконец обретает дар речи Лукас и наконец задает свой вопрос.

— Похоже, — слабым голосом отвечает она.

— Я могу спать снаружи, если ты...

— Нет... Ничего. Ты через многое прошел, — прерывает его она, не находя в себе храбрости, чтобы повернуться и взглянуть на него.

— Мы оба через многое прошли, — тихо говорит он.

— Да, но... Нет ничего хорошего, в том, чтобы спать на диване, — отвечает она.

— Я так устал, что запросто засну стоя, — говорит он в ответ с хриплым смешком. Он замечает, что она не предлагает лечь на диване самой и не отдает постель ему одному.

Она наконец поворачивается к нему.

— Думаю, что вторая ванная для тебя, — говорит она, а ее рука сама тянется к его руке.

— Ты воняешь, — добавляет она со смехом.

— Ты тоже, — поддевает он, его смущенная улыбка согревает ее сердце. Он наклоняется и коротко, нежно ее целует, прежде чем отправиться в ванную.

хХх

Тихий, робкий стук вырывает Дороти из дремы, в которую она, не осознавая того, провалилась.

— Госпожа Дороти?

Дороти открывает глаза и видит симпатичную молодую женщину, стоящую в дверях ванной.

— О... Эм... Привет.

— Я здесь, чтобы вам услужить. Меня зовут Лиа, — говорит она, кланяясь, но не входя. Она очень молода, ее кожа очень бледна, волосы почти черные, глаза — ярко-зеленые.

— Мне не нужна...

— Пожалуйста, Госпожа. Это моя работа. Госпожа Уэст сказала...

Дороти поднимает руку, зная, что девушка почти наверняка боится Уэст. Она знает, что сама все еще ее боится.

— Хорошо. Мне бы не хотелось, чтобы ты из-за меня попала в неприятности, — она махнула, разрешая войти.

— О, спасибо, Госпожа, — вздыхает Лиа, делая шаг.

— Просто... Можно просто Дороти, — говорит Дороти, зная, что почти наверняка это бесполезно. У этих ведьм, похоже, пунктик на церемонии.

— Не могу, — отвечает Лиа, беря мягкую мочалку, Дороти наклоняется вперед, подставляя спину.

— Хорошо, а «Мисс»? Мне не очень нравится, когда меня зовут «Госпожой», — говорит Дороти.

Лиа заканчивает с мытьем и тянется за кувшином.

— Пожалуйста, откиньте голову назад... Мисс, — говорит она с запинкой.

Дороти подчиняется и даже наслаждается мытьем головы. Ее мысли возвращаются к тем временам, когда она была маленькой, и тетя Эм мыла ее голову в кухонной раковине. Она улыбается, вспомнив, как стояла на коленях на кухонном стуле, наклоняясь вперед, пока шея и спина не начинали ныть.

Здесь все было по-другому. Она откинулась назад, и Лиа аккуратно промывала ее волосы над тазиком.

Лиа помогла Дороти выйти из ванны, накинула на ее плечи халат, затем последовала за ней в спальню. Дороти оглянулась вокруг, ища Лукаса.

— Во второй ванной есть комната для переодеваний. Ваш мужчина там, ему помогает Рекс, — проинформировала ее Лиа, словно прочитав мысли Дороти.

— Рекс? У Уэст есть и мужчины-слуги? — Она решает, что Рекс — мужчина; хотя в этом мире имена не такие, к каким она привыкла.

— Немного, — отвечает Лиа, открывая гардероб, пока Дороти присаживается, выжимая

волосы полотенцем, и вытаскивает красное платье. — Это платье для сегодняшнего вечера, — говорит она.

— Это? — Дороти поднимает брови.

Лиа распахивает глаза:

— Простите, Госпожа, но это церемониальный ужин, и традиционно...

— Лиа. Все в порядке, — Дороти вздыхает. — Извини, я все еще привыкаю. Я не знаю, смогу ли привыкнуть.

— Да, Мисс. Вы сможете выбрать сами в другой раз... Ну, наверно... Но сегодня, вы должны надеть это платье, — объясняет Лиа.

— Ну, мне, наверно, не стоит идти против традиции, — отвечает она. — Оно хотя бы красивое.

хХх

Дороти выходит из спальни двадцать минут спустя. Платье прекрасно и очень ей идет, подчеркивая тонкую талию и изгибы ее тела. Ее волосы каскадом падают на спину, сдерживаемые красной лентой, выданной Лией.

Она видит Лукаса у окна, глядящего в ночь. Когда он оборачивается, они оба теряют дар речи.

— Крас-сивая, — тихий голос Сильви нарушает тишину.

Дороти улыбается и смотрит на девочку, все еще сидящую с Тото на диване.

— Спасибо, Сильви. Ты тоже очень красивая.

Пока Дороти говорит, Лукас идет к ней, и она наконец может его разглядеть. На нем были блестящие коричневые сапоги, узкие брюки, подчеркивающие его мускулистые бедра, парчовый жилет с красно-золотой вышивкой, под ним — кремовая рубашка с незастегнутым воротом. Его меч, начищенный и отполированный, висит на поясе. Как и Сильви, он такой чистый, каким она его и не припомнит.

Он великолепен.

— Привет, — выдыхает она, потому что ничего более умного в голову не приходит.

— Привет, — отвечает он, его голубые глаза не отрываются от нее, словно она — источник воды, а он днями бродил по пустыне. — Ты прекрасна, — говорит он, наконец сумев сформулировать предложение.

— Ты тоже, — отвечает она, и они просто пьются друг на друга.

Лиа тихо прочищает горло, Дороти поворачивается.

— Не хотелось бы заставлять Госпожу Уэст ждать, Мисс, — серьезно сообщает она.

— Точно. Ладно, — соглашается Дороти.

— Ты голодна, Сильви? — спрашивает Лукас, протягивая руку. Девочка спрыгивает с дивана и берет его за руку. Тот запрыгивает на большую кушетку в углу, очевидно, поставленную именно для него, и сворачивается в клубок.

— Хороший мальчик, — хвалит его Дороти и берет Лукаса за другую руку. — Готов?
— спрашивает она его.

— Нет, — отвечает он.

— Хорошо. Я тоже.

хХх

— Ах, какая из вас прелестная пара, — приветствует их Госпожа Уэст. Дороти с трудом улыбается, неуверенная, серьезно ведьма или язвит. — Идите, садитесь.

Дороти садится напротив Уэст. Лукас садится справа от Дороти, а Сильви — по другую его сторону.

После того, как приносят еду, они какое-то время едят в некомфортной тишине. Дороти замечает, что Уэст больше пьет, чем ест.

— У тебя есть вопросы, — наконец говорит Уэст.

— Ага, но я сейчас не смогу их сформировать, — отвечает Дороти.

— Меня это устраивает, меньше работы, — комментирует Уэст, махнув служанке, чтобы та вновь наполнила ее кубок.

— Почему все в моей комнате красное? — спрашивает Дороти.

— Ты новая Ведьма Востока, — отвечает Уэст, закатывая глаза. — У Глинды все белое. Все мои вещи — черные. Наша усопшая сестра носила красное, как ты, я уверена, помнишь, — к концу предложения ее голос наполняется горечью.

— Что? Я не могу... Не могу... — Дороти умолкает, щелкнув пальцами, — Как это?.. Быть Верховной Ведьмой!

— Перчатки мои сестры выбрали тебя не просто так, — хмуро отвечает Уэст. Очевидно,

она все еще была не в восторге от Дороти.

— Ну, они ошиблись. Я понятия не имею, что делаю! — Восклицает Дороти.

Уэст смеется, откинув назад голову.

— Думаешь, я знаю? Думаешь, хоть кто-то из нас знает? Такова наша жизнь, дитя.

— Мне казалось, ты говорила, что в жизни есть выбор, — возражает ей Дороти.

— Да, так и есть. Но я не говорила, что все будет чисто и прозрачно, без загадок, — отвечает она, поднимая кубок. — Твой ребенок уснул, — добавляет она, указывая на Сильви, опустившую голову на сложенные на столе руки. Она щелкает пальцами, и из теней появляется Тип.

Лукас встает, чтобы поднять спящую девочку, но Тип качает головой.

— Я справлюсь, — говорит он. Лукас колеблется, и Тип хмурится, глядя на него, и легко поднимает Сильви. — Это твоя дочь?

— Нет. Ну, не знаю, не думаю, — отвечает Лукас. — Надеюсь, что я запомнил бы что-то настолько важное.

Дороти берет его за руку и нежно сжимает. Тип уходит вместе с Сильви, и Лукас вновь садится, все еще держа Дороти за руку.

— Твой консорт немногословен, — замечает Уэст. — Качество, которое я всегда предпочитала в мужчинах.

— Некоторые люди открывают рот, когда им есть, что сказать, — отвечает Дороти, защищая его.

— Как и я сказала, — наклонив голову, говорит Уэст. Она опустошает свой кубок, ставит его на стол и хитро смотрит на Дороти и Лукаса. — Хорошо, я достаточно вас задержала, — говорит она. — Уверена, вы очень хотите... Удалиться.

— Спасибо, — говорит Дороти. — Я *совсем* без сил, и Лукас уже готов упасть на месте.

— Ну, пока у вас хватит сил на Освящение, — беспечно комментирует Уэст. — О, — добавляет она таким сладким голосом, пытаясь выглядеть невинно, — вы, наверно, и понятия не имеете, о чем я, да?

Дороти мерит Уэст взглядом.

— Нет, но я могу догадаться, — говорит она несколько секунд спустя.

— Хорошо. Мне бы не хотелось *озвучивать* это для вас, — отвечает ведьма, безумно хихикая. — О, да ладно. Это же забавно.

Дороти вяло улыбается.

— Извини. Не привыкла. Я все еще не уверена, что ты не собираешься меня убить, — выпаливает она.

Уэст становится серьезной.

— Я тоже не уверена, что не собираюсь тебя убить, — говорит она. — Но могу уверить, что не стану этого делать сегодня. Не хотелось бы лишиться тебя твоего...

— Ладно, — обрывает ее Дороти. — Эм, тогда доброй ночи, — она встает, берет Лукаса за руку и ведет его за собой к холлу. В коридоре она замирает.

— Дороти? — спрашивает Лукас, удивляясь, почему они остановились.

— Не могу вспомнить дорогу к нашим комнатам, — говорит она, зная, что память подводит ее из-за усталости, этого странного вина и знания, что им нужно будет сделать, когда они достигнут комнат.

— Сюда, — он повел их к лестнице, наверх и к коридору к их двери. У входа он останавливается.

— Она сказала именно то, что мне кажется она сказала?

Дороти смотрит на него, кивает, затем толкает дверь и входит.

Примечание к части

*Тип все еще отождествляет себя с мальчиком, поэтому и обращаться с ним автор предлагает, как с мальчиком

Часть третья

Пока их не было, Лиа не теряла времени даром. Комнаты были безупречно вычищены, их грязная одежда была либо отстирана, либо сожжена. Кровать в спальне расправлена, толстые шторы зашторены, в камине горел огонь, и свечи зажжены.

Дороти складывает пальцы в замок, чтобы не дать им дрожать, и входит в комнату. Она чувствует за своей спиной Лукаса, хотя он двигается совершенно беззвучно. Она скидывает обувь, просто чтобы чем-то занять себя, чтобы собрать смелость и немного успокоить заходящееся сердце.

— Мы не *должны*... — тихо говорит он за ее спиной.

— Нет, должны, — возражает она. — Она *знает*, если мы это не сделаем. И, очевидно, это часть церемонии, — она оборачивается и вздрагивает, потому что он *близко*. — Но это неважно, — добавляет она, не отрывая глаз от его шеи, запоминая его адамово яблоко и ямку между ключиц. — Потому что... Потому что я хочу.

— Х-хочешь? — шепчет он.

Она поднимает взгляд, и ее губы приоткрываются от желания — нет, нужды — в его глазах. Она поднимает руку к его лицу, и под ее ладонью его борода после купания кажется мягче обычного, и он поворачивается и целует холмик ладони под ее большим пальцем.

Он наклоняется, его руки находят ее талию, и он трется носом об ее. Он медлит несколько секунд, растягивая момент, пока ее пальцы ныряют в его волосы.

Затем раздается стук в дверь.

— Мисс Дороти? — звучит приглушенный голос Лии за дверью. — Пожалуйста, это важно.

Дороти с трудом выдыхает и отступает от Лукаса к главной комнате.

Она открывает дверь и видит краснеющую Лиа с подносом с чем-то, напоминающим чайный набор.

— О, хорошо, я не опоздала, — выпаливает она, затем добавляет. — О! Простите, мисс, я, но подумала, что это может вам понадобиться, — кивает она на поднос.

— Чай? — спрашивает Дороти, отступая, чтобы девушка могла войти.

— Да, мисс. Это избавит... Эм... От нежелательных... Последствий? — запинается она, ее бледная кожа краснеет.

— О, — понимая, говорит Дороти. У нее еще не было времени подумать о контрацепции, так что она рада, что открыла дверь.

Лиa наливаeт чай в чашку.

— Выпейте сейчас, потом... После, — инструктирует она, старательно не поднимая глаз. — Возможно, вам захочется добавить меда. Мне говорили, что без меда вкус не очень, — она делает паузу, прикусывает губу и добавляет. — Эм... Если будет несколько... Раз, нужно будет выпить еще после, — ее щеки такие красные, словно у нее под кожей пожар.

— А это? — спрашивает Дороти, указывая на печенье на подносе.

— Просто печенье, — отвечает Лиa, все еще глядя в пол.

— Хорошо, спасибо, Лиa, — говорит Дороти, поднимая чашку. Она делает глоток, морщится, опускает чашку и добавляет туда большую ложку меда.

— Мисс, — отвечает Лиa, кланяется, затем убегает.

Дороти ответственно выпивает чай, благодарная, что тот не настолько горячий.

— Это было продуманно, — комментирует Лукас, подходя у ней. — Я немного волновался, что может произойти, если...

— Ага, — соглашается Дороти. — Эм, мед не очень-то помогает, — говорит она, затем опустошает чашку за один глоток. Она ставит чашку, тут же хватается за печенье и возвращается к Лукасу. — А вот это неплохо, — она кусает печенье, затем протягивает к его губам.

Лукас нежно берет ее за запястье, затем откусывает от предложенного печенья.

— М-м-м, — соглашается он.

Она поднимает свободную руку и смахивает крошки с его бороды, чуть ниже нижней губы. Она улыбается, думая о том дне, когда они встретились, и поделенном между ними яблоке. Когда она смотрит на него, он улыбается ей в ответ, очевидно, вспоминая то же самое.

Он подносит их руки к ее рту, и она кусает печенье. Затем он доедает его, губами прихватывая ее пальцы. Когда он сглатывает, он целует ее руку, затем кладет ее поверх своего сердца. Ее пальцы ныряют в волосы у него на груди, чувствуя тепло его кожи и уверенное биение сердца под ее ладонью.

Он наклоняется и кратко, но нежно ее целует. Когда он разрывает поцелуй, она тянется за ним мгновение, желая большего. Когда она открывает глаза, он обходит ее и начинает аккуратно выпутывать из ее волос ленты.

Его касания почти до боли нежные, особенно, учитывая то, что она знает, на что способны его руки. Ее волосы наконец свободны, и он расчесывает их пальцами,

увлеченно наблюдая, как вороные кудри текут сквозь его пальцы.

Она чувствует, как он наклоняется и сует нос в ее волосы, медленно вдыхая ее запах. Он вдыхает с тихим стоном, и она не может удержаться, она поворачивается и ловит его губы в отчаянном поцелуе.

Руки Дороти хватают его жилет, вслепую расстегивая пуговицы и сдергивая жилет с его плеч.

— Дороти, — выдыхает Лукас, — нам нужно в другую комнату.

— Ага, — соглашается она, хватая его руку и увлекая его за собой в спальню.

Он закрывает дверь, роняя жилет на стул, прежде чем стянуть сапоги и носки. Затем он медленно идет к ней, его глаза темные и голодные.

Она поворачивается к нему спиной, откидывая волосы за плечо, и перед ним оказывается ряд пуговиц.

Он садится на кровать и мягко притягивает ее к себе, чтобы сгладить разницу в их росте. Он целует кожу над воротом платья, затем начинает расстегивать пуговицы.

И вновь, его движения нарочно нежные, мучительно медленные, и он целует каждый дюйм открывающейся с каждой пуговицей кожи.

Дороти пытается быть терпеливой, но ее тело уже наполнено нетерпением (она на секунду отвлекается, ей интересно, что было в чае, и не в этом ли причина ее взбушевавшихся эмоций), и медленное, обволакивающее внимание Лукаса заставляет ее забыть об одежде и гореть желанием просто *взять* его.

— Терпение, Дороти, — бормочет он в ее кожу, словно он читает ее мысли.

— Ты слишком долго тянешь, — отвечает она.

— Здесь не нужно спешить, — возражает он, расстегивая последнюю пуговицу. Он прижимает губы к ее позвоночнику, талии, затем гладит ладонями ее гладкую спину. От его ласки она вздрагивает, затем вытаскивает руки из рукавов.

Она сдергивает платье с бедер, и оно падает на пол, превращаясь просто в лужу ткани. Она выходит из него и оборачивается.

— О, — стонет он, хватаясь за ее бедра и притягивая ее к себе. Он покрывает ее грудь мягкими, влажными поцелуями, пока она запускает руки в его волосы.

— Лукас, — шепчет она, чувствуя вновь это странное чувство переполненности, пока он медленно ведет ее к краю.

Его губы так отвлекают, но недостаточно, чтобы не дать ей дернуть его за рубашку. Он

отклоняется назад достаточно, чтобы она смогла через голову сдернуть ее с него.

Она пользуется этим и толкает его на кровать. Прежде, чем он успевает отреагировать, она накрывает его бедра своими, забирая контроль.

Пытаясь забрать контроль.

Когда она слышит и чувствует его низкое рычание и оказывается на спине под ним, она понимает, контроль никогда ей не принадлежал.

— Не торопись, любимая, — бормочет он. — У нас есть вся ночь. Нет нужды спешить.

— Но...

Он целовывает протест с его губ и говорит:

— Единственное, что у меня есть, чтобы дать тебе, это время.

Она поднимает руку и гладит его лицо, и покалывание его бороды кажется теперь знакомым.

— Неправда, — говорит она. — Ты уже дал мне так много, — она замолкает, чтобы поцеловать его, и шепчет. — Твою защиту... Твою преданность...

— Себя, — добавляет он, его руки скользят по ее телу, пока его пальцы не касаются края ее белья. Он цепляет его и стягивает по ее стройным, длинным ногам, бросив на пол. Он снимает свои штаны и белье, сидя на краю постели, затем возвращается к ней. — Я твой, Дороти. Весь твой. Все, что я есть, принадлежит тебе.

Вопрос «*Что, если ты вернешь свои воспоминания?*» готов сорваться с ее губ, но она быстро забывает о нем, когда он начинает медленно целовать ее, и она забывает обо всем, кроме него и того, какие чувства он у нее вызывает.

Она выдыхает его имя, когда он спускается к ее шее, и его борода кажется немного жесткой по сравнению с влажностью его языка. Она ерзает под ним, вновь становясь нетерпеливой, обвивая его ноги своими. Его низкий смешок отдается у нее в груди, и он неторопливо продолжает свое дело.

Он перестает смеяться, когда ее пальцы находят его, обворачиваются вокруг его длины и гладят.

— Дороти, — хрипит он, почти задыхаясь, ее прикосновение заставляет его слегка запнуться. Он низко стонет, на мгновение роняя голову на ее грудь. Когда он вновь понимает голову, он смотрит на нее темными, звериными глазами, и ее кровь кипит.

— О, — мягко охает она, ее рука замирает на его члене. Мгновение спустя, она выгибается под ним, ведь он отвечает ей тем же, и его пальцы оказывают между ее ног.
— М-м, — стонет она, поднимая бедра к его руке.

— Пока нет, — говорит он, покусывая ее ухо, прежде чем вернуться к ее губам.

— Ты умеешь целоваться, — охает она, отрывая губы от его губ. Он отвечает, рисуя пальцем круги. — О! Кроме прочего.

Он ухмыляется ей в щеку, прикусывает ее нижнюю губу, затем опускается между ее бедер.

Полная надежды, Дороти направляет его. Лукас глубоко целует ее, затем медленно толкается вперед, входя в нее с низким рыком.

— О-ох, — вздыхает она, выгибаясь ему на встречу, пытаюсь увлечь его глубже. — М-м-м....

Он все еще неторопливо ведет бедрами назад и вновь вперед.

Она поднимает колени, толкая его ногами, пытаюсь заставить его ускорить ритм.

— Терпение, — повторяет он, но его голос сдавленный, указывая, что его собственное терпение на исходе.

— Нахуй терпение, трахни *меня*, — отвечает она, хватая его за шею и притягивая для жаркого поцелуя. Когда его неторопливый ритм обрывается, а его пальцы сжимают ее грудь, она знает, что наконец сломала его тщательно оберегаемый контроль.

— О... — рычит он. — Это... Убедительный аргумент, — он резко толкается, с силой, мгновенно ускоряя ритм.

Она вскрикивает, откидывая голову назад, ее руки хватаются за его грудь, плечи, *что-нибудь*, чтобы если падать в эту пропасть — то вместе.

Скоро Дороти выкрикивает имя Лукаса, ее тело содрогается под его, сжимается вокруг него, пока ее пронзает самый сильный оргазм в ее жизни.

Лукас держится еще три толчка, затем замирает, и его тело словно сжатая пружина, каждый мускул словно каменный.

Он падает на нее, бормоча ее имя и касаясь мягкими губами ее кожи.

Она чувствует их контакт всем телом, каждый волосок на его груди, каждую ресницу, щекочущую ее ключицу. Ее тело покалывает.

Она поднимает руку, собираясь погладить его по волосам, и видит перчатки, вновь видимые на ее руках. Она разворачивает руку, наблюдая, как красные камни (*Рубины? Гранаты? Другие красные камни, которых нет в ее мире?*) сияют в свете свечей. Она медленно шевелит пальцами, заставляя золото сверкать.

— Дороти? — спрашивает Лукас, поднимая голову. — Что ты... О, — говорит он, поворачивая лицо, чтобы увидеть перчатки, прежде чем они вновь исчезают. — Это мы сделали?

— Думаю, да, — отвечает она. — Когда я...

— Ага, — отвечает он, кивая, затем осторожно откатывается на бок. — Я тоже это почувствовал, — он тянет ее за собой, и она опускает голову на его плечо.

Она ерзает, и он накрывает их одеялом.

— Хорошо, что ты помнишь, как делать *это*, — через минуту говорит Дороти.

— Ты удивлена? — спрашивает Лукас, лениво глядя ее бедро вверх-вниз.

— Немного, — признается она.

Он поворачивает голову, пряча нос в ее волосах.

— Я решил, что раз уж помню, как обращаться с мечом, то нет причины, чтобы я не знал, как...

— Обращаться с твоим *мечом*? — заканчивает за него Дороти, хихикая в его грудь.

Лукас смеется, низко, и она понимает, что слишком редко слышала этот звук.

— Какие у тебя грязные мысли.

— Тебе это нравится, — со смешком отвечает она.

— Очень, — серьезно отвечает он.

Она поднимает на него глаза, и его взгляд одновременно восхищает и пугает ее. Она видит в нем слова, слова, которые он хочет сказать, но боится, что эти слова заставят ее сбежать.

И в глубине души она знает, что он не совсем прав. Она *может* сбежать, если он их скажет.

Не то, чтобы ей есть, куда идти. Она медленно принимает тот факт, что застряла здесь. Она согласилась присоединиться к ведьмам, и часть ее знает, что Канзас останется лишь в ее памяти.

Если верить Волшебнику, она родилась здесь. Может быть, здесь ее место...

И она *счастлива* здесь. Лукас и Сильви делают ее счастливой. Счастливее, чем она была в Канзасе. И хотя это больно, это немного утешает. Как бы она ни хотела вернуться к дяде и тете, оставить Лукаса и Сильвии было бы так же больно.

— Дороти? — теплый голос Лукаса вырывает ее из мыслей.

— Хм?

— О, хорошо, я боялся, что ты заснула. Не забудь, что ты должна выпить этот ужасный чай, — напоминает он, целуя ее в лоб.

— Ла-адно, — говорит она, выскальзывая из кровати. Она наклоняется, берет с пола его рубашку и накидывает ее на себя.

— Тебе идет, — говорит он ей вслед, пока она выходит в главный зал и наливает себе новую чашку мерзкого чая.

Часть четвертая

— О, — стонет Дороти, ее тело разбивается под Лукасом — она на подходе к четвертому с ужина оргазму. Он лениво движется, неторопливо, обвивая ее и целуя, его язык движется в том же ритме, что и бедра.

Позднее утро, почти полдень, и они провели всю ночь, то занимаясь любовью, то в дреме. Дороти просыпается несколько часов спустя после их первого «освящения» и забирается на него еще до того, как сама полностью осознает, что делает. Затем, еще несколько часов спустя, Лукас просыпается, обнимая ее со спины, его рука на ее груди, член прижимается к ложбинке ее ягодиц. Его губы находят ее шею, целуя и глядя ее, он избавляет ее ото сна, пока она не закидывает ногу на его и помогает ему войти.

На этот раз их глаза открываются почти одновременно и, молча, он падает сверху и входит в нее.

Лукас стонет и роняет голову, пряча ее в ее шее, вдыхая ее запах, теперь смешанный с его. Дороти охает и сжимает его голову, кончая через мгновение после него.

— Дороти, — он выдыхает ее имя, падая сверху с закрытыми глазами.

— Думаю, уже утро, — делает догадку она. Плотные шторы не пропускают свет.

— Думаю, утро уже прошло, — отвечает он, откатываясь в сторону. Он поворачивает голову и видит на ее шее метку. Он протягивает руку и нежно гладит ее пальцами. — Я тебя отметил.

— О, здорово, — отвечает она.

— Прости, — извиняется он.

Она дергает плечом:

— Ничего, — секунду спустя она добавляет. — Уэст наверняка одобрит.

Он фыркает:

— Она...

Резкий стук в дверь прерывает их. Дороти встает и накидывает халат. Она приоткрывает ее и видит там Лию, как обычно, с ярко-красными щеками.

— Мисс Дороти... Скоро будет готов обед, — уведомляет она. Она выглядит еще более испуганной, чем вчера.

— Хорошо, спасибо, — отвечает Дороти. — Что-то не так?

— Нет... Просто... Госпожа Норт здесь. Она хотела вас увидеть и... Она теряет

терпение, — отвечает Лиа.

— Она хочет увидеть меня? — спрашивает Дороти.

— Да, мисс. Рекс ждет сира Лукаса, — говорит она. — Мисс Сильви проснулась несколько часов назад. Она позавтракала, за ней присматривает Тип.

— Спасибо, Лиа... М-м... Дай нам минутку.

— Да, мисс.

Дороти закрывает двери и поворачивается к Лукасу — он надевает штаны.

— Я слышал, — говорит он, подходя к ней. — Нам стоит умыться и что-нибудь перекусить, — говорит он, нежно заключая ее лицо в свои руки и целуя ее в лоб.

— Ты голоден, — говорит она с улыбкой.

— Да. И не забудь выпить свой чай, — напоминает он, поцеловав ее еще раз. Он пришел к пониманию, что был бы совсем не против, если бы она забеременела от него, но он знает, что *она* хочет не этого — по крайней мере, не сейчас — и он будет это уважать.

— Не забуду. Спасибо, — отвечает она, тронутая его заботой. Он выходит, и пока Дороти идет к чайнику, приходит Лиа. Жидкости внутри хватит еще на одну чашку, и она все еще горячая. Она пьет, пытаясь придумать, что бы можно было добавить, чтобы поправить вкус. Пятая чашка ничем не лучше первой, но она пьет, морщась, поставив чашку на стол. Она поднимает взгляд на ждущую ее Лию.

— Чайник пустой? — спрашивает она.

— Да, — отвечает Дороти, чувствуя легкое смущение. — Это хорошо или плохо?

Лиа пожимает плечами и идет к гардеробу.

— Это значит, что вам пока больше не нужно его пить. Только после того, как пройдет ваше кровотечение.

Дороти поднимает брови:

— Ну, думаю, это хорошая новость, — говорит она. — Там тоже надо будет выпить весь чайник? — спрашивает она, надеясь на обратное.

— Только чашку перед тем как вы и сир Лукас...

— Хорошо. Ладно, — быстро вмешивается Дороти, избавляя девушку от необходимости объяснять дальше. — Думаю, я поняла.

Лиа бормочет что-то и вытаскивает из гардероба несколько платьев. Тут раздается стук

в дверь, и Дороти кивает. Лиа открывает дверь.

— Простите, Госпожа, — извиняется худой молодой человек, кланяясь и тут же кидаясь ко второму гардеробу.

— Рекс, — сердито шепчет Лиа. — Я же сказала, ей не нравится «Госпожа»!

— О! Простите, — снова извиняется Рекс, замирая и снова склоняясь в поклоне.

— Надеюсь, я вас не оскорбил.

— Все в порядке, — говорит Дороти, разглядывая странного парня. Он совсем немного не дотягивает до роста Лукаса, но уже него раза в два, а его волосы такие светлые, что кажутся белыми. У его такие светлые голубые глаза и кожа такая бледная, словно светится. Она такой тонкий и хрупкий, но он столько всего несет, что очевидно, что он сильнее, чем кажется. — Приятно познакомиться, — добавляет она, автоматически протягивая ему руку.

— Это честь, служить вам, мисс Дороти, — говорит Рекс. Он берет ее руку и целует ее, удивляя ее. — Когда вы уйдете, я бы хотел собрать одежду для сира Лукаса, чтобы одеть его после ванны, — добавляет она.

— Вперед, — отвечает Дороти. Она поворачивается к Лие, глядя на выбранный ею наряд, и вздыхает. *Ну почему они не носят джинсы и футболки?*

— Вам не нравится, — говорит Лиа, расстроено опуская плечи.

— Нет, нет... Не совсем, — отвечает Дороти, рассеянно помахав Рексу, который выходит из комнаты с полными руками одежды. — Я просто привыкла к более... Простой одежде, вот и все.

— Как та, в которой вы прибыли, — говорит Лиа.

— Да. Платье, которое было на мне вчера, одно из самых красивых, какие я только видела, — призналась Дороти. — Там, откуда я пришла, не часто выпадает возможность надеть платье.

К ее удивлению, Лиа говорит:

— Это звучит... Здорово, — ее глаза распахиваются, и она быстро добавляет. — О! я просто имела в виду, что было бы... Здорово... Не волноваться о... — она хмурит брови. — Внешнем виде так сильно... Одеваться, как удобно, как хочется... Как крестьяне, — после паузы она тихо добавляет. — Или как мужчина.

— Тебе не нравятся платья? — спрашивает Дороти. Она указывает на самое простое платье перед собой.

— Не очень, — признается Лиа. — Вы бы хотели сначала принять ванну?

— А время есть? — спрашивает Дороти.

— Немного.

— Мне, наверно, стоит сполоснуться после... — начинает она, затем останавливает свою мысль. Она чувствует себя немного... Стертой и липкой между ног, и ванна, даже быстрая, кажется очень привлекательной. — Мне не нужно мыть голову, — сказала она, меняя тему.

— Да, мисс, — соглашается Лиа. — И, если хотите, я скажу, чтобы вам сшили одежду попроще.

— Спасибо, — говорит Дороти. — И для себя тоже попроси, — добавляет она, решив проверить, есть ли у нее здесь хоть какая-то немагическая сила.

— Я не могу! — охает Лиа, пытаюсь не улыбаться и наливая в ванную согретую магией воду.

— Поможет, если сказать... Швее... Что этого хочу я? — пытается Дороти.

— Возможно, — тихо говорит Лиа. — Спасибо, мисс.

— Не за что, — говорит Дороти. — И знаешь что? Я этого хочу. Ты моя помощница, я хочу, чтобы тебе было удобно.

— Спасибо, — шепчет Лиа, принимая халат Дороти.

— Как приятно, что ты к нам все-таки присоединилась, — тянет Уэст, когда Дороти и Лукас входят в столовую. Обед только что подали. Она вздыхает и встает, затем скучающим голосом говорит. — Позвольте мне представить мою сестру Глинду, Ведьму Севера... Мать Звука и Чистоты.

Глинда встает, такая же бледная и сияющая, как Уэст — темная и мрачная.

— Новая ведьма Запада. Скажи мне... Дороти, да? Ты готова нести имя Самой Милосердной и Жестокой?

— Я знаю, что мне многому надо научиться, но я надеюсь скоро быть готовой, — осторожно говорит Дороти. Она с любопытством наблюдает, как взгляд Глинды смещается к Лукасу, который стоит рядом чуть сзади.

— Роан, — охает Глинда. — Что ты здесь делаешь?

— Мэм? — не понимая, спрашивает Лукас.

Уэст даже не пытается скрыть ухмылку. Дороти это замечает, но не реагирует. Она

надеется, что не реагирует.

— Как вижу, ты принял зелье, — говорит Глинда, медленно кивая. — Тебя долго не было, дорогой.

— Дорогой? — повторяет Дороти, в основном самой себе, ее взгляд мечется между Лукасом и Глиндой.

— Я знаю, что у меня забрали мою память, — говорит Лукас. Он делает шаг вперед, но его рука находит руку Дороти, словно ему сейчас нужна ее сила. — И госпожа Уэст сказала, что ее забрала ваша магия.

— Так и есть. Это было ради твоей безопасности, — говорит Глинда, подходя к нему.

— Ты бы хотел вернуть свою память, Роан?

— Лукас, — автоматически поправляет он. Он оглядывается на Дороти, заглядывая ей в глаза. Она сжимает его руку, пытаясь подбодрить. Затем он смотрит обратно на Глинду и кивает, его пальцы крепче сжимают руку Дороти.

— Это имя дала тебе она? — спрашивает Глинда. — Очаровательно, — и, не говоря ни слова, она берет лицо Лукаса в свои руки, привстает на цыпочки и целует его.

У Дороти открывается рот, но прежде чем она говорит хоть слово, Глинда с ожиданием на лице отступает.

Лукас моргает.

— Госпожа, — говорит он благоговейно, отпуская руку Дороти и с опущенной головой падая перед Глиндой на одно колено.

— Кто-нибудь скажет мне, что происходит? — говорит Дороти чуть жестче, чем намеревалась.

— Роан — мой главный страж. Я выбрала его сама, отобрала из стражи Волшебника, прямо из-под пяты этого тирана, чтобы он защищал меня и моих учениц, — говорит Глинда, жестом приказывая Лукасу подняться. — Тогда он был всего лишь рекрутом, мальчишкой, но я сделала из него сегодняшнего прекрасного воина. Самый дорогой и ценный из всех моих слуг.

Дороти не могла поверить собственным ушам. Она только и могла думать о том, что *эта сучка о себе думает?*

— Ты использовала его, как своего мальчика на побегушках, и это почти его убило, — резко отвечает она, неспособная придержать язык. Она чувствует, как колет магия пальцы, может быть, сейчас на ее руках появятся перчатки. Но будь она проклята, если она отведет глаза от Глинды. — Если бы я не нашла его, повешанного, словно чертово пугало, он *был бы* мертв!

Глинда вздергивает подбородок:

— Он *мой*...

— Можно я скажу? — говорит Лукас, храбро прерывая ведьму.

— Конечно, — отвечает Глинда ядовито-сладким голосом.

— Я не знаю, что случилось с большинством девочек под моей ответственностью, но Дороти нашла меня и сняла с шеста. Она могла пройти мимо, но не стала. Она спасла мою жизнь, и я поклялся защищать ее жизнь своей. И я собираюсь и дальше это делать, — говорит Лукас, снова взяв Дороти за руку.

— Сначала ты поклялся служить *мне*, — возражает Глинда. — Я спасла тебя от изнурительной жизни стража Волшебника, я воспитала тебя, я держала тебя в безо...

— Вы знали мой пункт прибытия, мой маршрут, и вы даже не попытались найти меня, когда я пропал! — рычит Лукас, обрывая ее.

— Я отправила на поиски...

— Вы оставили меня умирать!

— Это не важно! — подняв голос, рявкает Уэст, перекрывая всех. Очевидно, ей надоело наблюдать за этой драмой, и она решила прекратить диспут.

— Что? — спрашивает Глинда, повернувшись к сестре.

— Не важно, кто первым *предъявил* на него *права*. Не важно, кому он *хочет* служить, — говорит Уэст. Она садится и вонзает в кусок мяса свою вилку, не собираясь откладывать свой обед. — Теперь он связан с Дороти.

Глинда бледнеет еще больше обычного:

— Ты имеешь в виду...?

Уэст смотрит на них, поднимая бровь:

— Три или четыре раза, судя по их виду, — говорит она, поднимая кубок. — Вам обоим пошло на пользу, — говорит она, салютуя им кубком.

— Они завершили церемонию освящения, — шепчет Глинда. — Вы завершили церемонию освящения? — повторяет она, кружа вокруг них, словно ей нужно услышать это от них.

— Да, — просто отвечает Дороти. Она видит как взгляд Глинды падает на ее руки и добавляет: — Да, они появились в *правильный* момент, если тебя интересует это, — вообще-то, они появлялись каждый раз, но Дороти придерживает эту информацию при себе, на случай, если понадобится больше доказательств.

Глинда стискивает зубы.

— Я же сказала, это не важно, — говорит Уэст.

— Ты никогда не сможешь ко мне вернуться, — холодно говорит Глинда Лукасу. — Ты привязан к *ней* до конца твоей жизни. Даже если ты возненавидишь один ее вид, звук ее голоса, саму *мысль* о ней, ты привязан к этой женщине, пока один из вас не умрет. Ты хочешь этого?

— Да, — немедленно отвечает Лукас. — Я полностью осознаю последствия своих действий, Госпожа.

Дороти замечает, что он не извиняется, и мысленно ему аплодирует. Еще она осознает, что по сути она замужем за этим мужчиной, и это нельзя отменить. Странно, но это не волнует ее так, как ей казалось будет волновать.

— Пусть так и будет, — рявкает Глинда. Она возвращается к своему стулу и садится.

— Я *знаю*, что вы голодны после этой ночи, — говорит Уэст, ткнув в них вилкой. Дороти смотрит на Лукаса, затем они обходят стол и садятся. — Какой засос.

Дороти смущенно накидывает волосы поверх метки.

— Эм, да, — говорит она, поднимая вилку.

— Это хорошо. Он, кстати, может там остаться навсегда.

— Что? — поднимает Дороти глаза. *Я что, могу всю жизнь проходить с засосом?*

— Зависит от того, когда это случилось, — говорит Уэст. — Он может исчезнуть, может нет, — добавляет она, пожав плечами.

— Лучше, если он останется, — бормочет Глинда, хмурясь над своим салатом, который она атакует словно серийный убийца.

— О, — отвечает Дороти, рассеянно принимаясь за еду.

Разговор ненадолго прерывается, пока Глинда вновь не открывает рот.

— Ты сказал «большинство», — говорит она, глядя на Лукаса. Он хмурится, и она уточняет. — Ты сказал, что не знаешь, что случилось с *большинством* девочек. Значит, ты знаешь, что случилось с кем-то из них.

— С одной, — признается он.

— Лукас... — говорит Дороти, глядя на него.

— Я не могу лгать ей так же, как не могу лгать тебе, — просто объясняет он. — Просто не могу.

— Она здесь, с тобой? — спрашивает Глинда.

— Да, и она здесь останется, — говорит Дороти.

— Здесь не место маленькой девочке, — возражает Глинда.

— Она права, — говорит Уэст. — Девочка должна пойти с ней. Там она получит нужное обучение, — Дороти с удивлением смотрит на нее. — Думала, что я не знала, что передо мной маленькая ведьма? — спрашивает Уэст. — Во-первых, ты ужасная лгунья, и во-вторых, я поняла это, едва ее увидела.

— Ну конечно, — бормочет Дороти.

— Я тоже буду скучать по Сильви, Дороти, но она должна пойти с Глиндой. Так будет лучше для нее, — говорит Лукас.

Она смотрит в свою тарелку. Она знает, что ей предстоит много работы, и она наверняка не сможет уделить Сильви то внимание, которого она заслуживает. Минуту спустя она поворачивается к Глинде. — Она будет в безопасности? Ты позаботишься о ней?

— Ей будет дано все, что нужно, все, что она захочет. С ней будут обращаться с величайшим уважением. Нетронутая и чистая, навечно, — блаженно улыбаясь, говорит Глинда.

— Мы должны ее спросить, — подумав, говорит Дороти. — Мы не можем просто заставить ее, если она не захочет.

— Нет, можем, — комментирует Уэст.

— Но я *не стану*. Есть разница, — отвечает Дороти. — Только потому, что кто-то *может* сделать что-то, не значит, что этот кто-то *должен* это сделать.

— Интересная теория, — говорит Уэст. Она смотрит на молодую женщину у дверей.

— Иди и найди Тип. Попроси его привести ведьмочку сюда, — женщина кланяется и уходит.

— Сильви? — спрашивает Глинда. — Еще одно имя от тебя?

— Вроде как, — говорит Дороти, не собираясь вдаваться в детали, почему они начали звать девочку «Сильви». — Она нас не поправляла, — добавляет она, дернув плечом.

— Хм-м, — отвечает Глинда, возвращаясь к еде.

Дороти следит за Ведьмой Севера краем глаза. Старшая женщина кажется светочем чистоты и света, но в ней есть нечто, из-за чего ей не хочется верить. Она и Уэст не

доверяет, но, по крайней мере, Уэст не пытается скрыться за надуманным фасадом.

Спустя минуту дверь открывается, и входит Тип, за ним — Сильви. Маленькая девочка улыбается и бежит к Дороти, обнимает ее, затем Лукаса.

— Мы искупали Тото, — медленно, тихо говорит она.

Дороти с улыбкой поднимает брови:

— Неужели? Ему понравилось?

Сильви кивает:

— Он меня всю намочил.

— Готова поспорить, он размером с тебя, — отвечает Дороти. — Ты голодна?

Сильви мотает головой.

— Она пообедала, — сообщает Тип.

Лукас садит Сильви к себе на колени и гладит по волосам:

— Сильви, — говорит он, затем делает паузу, несколько раз моргнув. — Лейт. Это твое имя, — девочка улыбается и кивает ему.

— Очень хорошо, Роан, — говорит Глинда с улыбкой.

— Лукас, — поправляет он ее. — Я был Роаном. Теперь я Лукас.

Глинда сжимает губы, но ничего не говорит.

— Лейт, ты помнишь госпожу Глинду? — спрашивает Лукас. Она кивает. — Она бы хотела взять тебя к себе домой. Ты сможешь научиться контролировать и использовать свою магию. Она позаботится о тебе.

Сильви, то есть Лейт, смотрит на Лукаса, потом, на Дороти.

— Хочешь пойти с госпожой Глиндой? — спросила Дороти. — Если не хочешь, ты не должна, — она вздыхает, затем неохотно говорит. — Но ты сможешь научиться у нее тому, чему мы тебя научить не сможем, — когда она видит удивленное лицо Глинды, она смотрит на ведьму и говорит. — Я была с ней честна, и не собираюсь начинать лгать.

— А ты порядочная. Это... Хорошо, — бормочет Глинда.

— Ты этого не ждала, — сказала Дороти. Когда Глинда не отвечает, она знает, что права. Она вновь обращает свое внимание на Лейт. — Мы все еще можем навещать друг друга, обещаю, — она оглядывается на Глинду и так на нее смотрит, что понятно, что это

не обсуждается.

— Лейт, — говорит Глинда. Она начинает говорить с девочкой на странном языке. Лейт кивает, что понимает то, что ей говорит Глинда.

— Что ты ей сказала? — спрашивает Дороти.

— Я спросила, понимает ли она меня, и объяснила, что она будет с другими девочками, такими же, как она. Что они будут вместе учиться, — отвечает Глинда.

Дороти смотрит на Лейт, которая кивает, подтверждая слова Глинды. И она понимает, что Лейт, ее маленькая Сильви, сделала свой выбор.

— Мы скоро уходим, — объявляет Глинда, понимая, что выиграла эту битву. Она улыбается Дороти и говорит. — Тогда обмен. Ты оставишь себе... *Лукаса*, а я заберу Лейт к моим ученицам.

— Иди с Тип, собери вещи, — шепчет Лукас, помогая Лейт спрыгнуть с его колен. Он видит выражение лица Дороти и чувствует, что ее следующие слова не будут предназначаться для детских ушей.

— Волшебник хотел, чтобы я тебя убила, — говорит Дороти после того, как Лейт уходит.
— Он пытался со мной торговаться, заманить меня на его сторону.

— И? — невпечатленная, говорит Глинда.

— Если у меня возникнет хотя бы подозрение, что ты плохо обращаешься с Сильви, я приму предложение Волшебника, — пригрозила она. Ее руки внезапно окутались золотым и красным сиянием.

Взгляд Глинды на секунду падает на руки Дороти.

— Ты не стоишь перчаток нашей сестры, — говорит она с каменным выражением.

— Перчатки выбрали ее не просто так, — говорит Уэст, нарушая молчание своим низким голосом. — *Они* ощутили, что она достойна. Не нам решать.

— Ну, пока она не научится их использовать, ее пустые угрозы ничего не значат, — отмахивается Глинда.

Дороти встает, отказываясь проиграть.

— Не забывай, что я уже убила одну ведьму. Без всяких перчаток, — говорит она, зная, что играет с огнем. Она знает, что Уэст приняла то, что смерть Ист не *полностью* на ее совести, что первый инцидент произошел случайно, а последний был актом самозащиты, но она не знает, что об этом думает Глинда.

Но Дороти уходит из комнаты прежде, чем Глинда успевает ответить. Лукас быстро

поднимается, кланяется обеим ведьмам, и следует за ней.

— Веди себя хорошо, — говорит Дороти, встав на колени перед Лейт. У девочки было немного вещей — в основном, одежда, так что она быстро оказывается готова. — Ты хорошая девочка, — говорит она, обнимая ее. — Я буду по тебе скучать.

Лейт кивает, пряча лицо в шее Дороти и крепко ее сжимая.

— Спасибо, — говорит она тихо.

— Дай знать, если будешь там несчастлива, хорошо? — шепчет Дороти, и Лейт кивает, понимая. Дороти отклоняется, улыбается девочке, затем встает, наблюдая, как Лейт обнимает Лукаса еще раз, прежде чем обвивает ручки вокруг шее Тото, пряча лицо в его мехе.

Глинда протягивает ей руку и говорит что-то на том странном языке. Дороти слышит имя Лейт, и догадывается, что та просит девочку подойти. Лейт подходит к Глинде и берет ее за руку.

Мелькает вспышка белого света, и они исчезают.

Лукас смотрит на Дороти, затем вытирает с ее щек слезы и целует ее в лоб.

— Пойдем, — говорит он, беря ее за руку.

Она позволяет ему отвести ее в их комнаты, и от потери их Сильви их шаги становятся чуть тяжелее.

Дороти сидит на диване у окна в большой гостиной, и Лукас садится рядом. Они оба смотрят на город.

Наконец Дороти открывает рот:

— Так ты никогда не... Освящался... С Глиндой? — спрашивает она, пытаясь не выдать свое отвращение от этой мысли.

Губы Лукаса дергаются, он пытается спрятать вызванную ее ревностью улыбку.

— Нет. Этот поцелуй... Она впервые меня коснулась. Я всегда был только ее стражем.

— Ее *главным* стражем. Самый дорогим и ценным.

— Да. А теперь я твой.

Часть пятая

Лукас не спит. Каждую ночь он ложится в кровать с Дороти, держа ее в своих руках. Иногда они занимаются любовью, иногда нет, но он лежит в кровати и обнимает ее, пока она не засыпает.

Много времени это не занимает. Дороти такая упорная, она каждый день доводит себя до изнеможения, тренируясь, учась, практикуясь. Она быстро засыпает и спит крепко.

Так крепко, что не замечает, как Лукас выскользывает из кровати, шагает по комнате, читает, даже тихо практикуется с мечом в соседней комнате.

Он оставляет дверь открытой на случай, если она проснется; он все еще полностью посвящает себя ее защите. И он всегда возвращается в кровать к рассвету, на всякий случай.

Но Дороти никогда не просыпается.

Пока однажды это не меняется.

Она не зовет его; она просто встает с кровати, надевает его рубашку и выходит в гостиную.

Она находит его на балконе, он — силуэт на фоне приглушенных огней города. Она идет к нему и сзади обнимает его за талию.

К ее удивлению, Лукас не вздрагивает и не поворачивается. Она поворачивает голову и ложится щекой на теплую кожу его мускулистой спины, ее руки ныряют в волосы на его груди.

— Ты должна спать, — бормочет он, накрывая одной рукой обе ее.

— Как и ты, — отвечает она, целуя его в лопатку. — Почему ты стоишь здесь голый?

— Нет смысла надевать штаны, — просто отвечает он.

Дороти вздыхает, затем встает перед ним.

— Почему ты не спишь? — спрашивает она, поднимая руку к его лицу. Она нежно касается темного круга под его глазом. — Каждую ночь ты уходишь, — говорит она.

— Тебе нужен сон.

— Я не думал, что ты заметила, — признается Лукас, опустив взгляд в пол. — Я не хотел тебя беспокоить.

— Меня беспокоит, что ты не со мной в постели. Знание, что что-то не дает тебе спать, беспокоит меня. Не говоря уж о том, что ты мне об этом не сказал, — говорит она, мягко и понимающе. Ей немного больно, но она забудет об этом на мгновение, если это значит,

что ее угрюмый рыцарь с ней поговорит.

— Мне жаль, — тут же извиняется он, поднимая ее руки, чтобы поцеловать костяшки. Он задумчиво потирает их большими пальцами, затем говорит: — У меня кошмары.

— Каждую ночь?

Он кивает.

— Я... Я сделал ужасные вещи, Дороти, — говорит он, закрыв глаза.

— Как и все мы, — уверяет она его, но думает о том, что будучи стражем Глинды, он наверняка сделал что-то по-настоящему страшное. Ведьма Севера любила изображать чистую добродетель, но Дороти знала, что за сахарной улыбкой скрывается хладнокровная стерва.

Он мотает головой.

— Не такие, какие делал я.

— И что в этих кошмарах? Память о прошлом? — спрашивает она, глядя кончиком пальца его бровь, надеясь, что это подтолкнет Лукаса открыть глаза и посмотреть на нее.

— Сначала, — говорит он, поднимая взгляд, мягкий и испуганный. — Битвы, драки... Люди, которых я убил, защищая Глинду... По крайней мере, тогда я был в этом уверен, — он вздыхает. — Мои сослуживцы, люди, которых я *знал*... Которых я убил... Или пытал... По ее приказу.

Она сглатывает «Ты всего лишь делал свою работу», зная, что это не оправдание. Вместо этого она просто слушает.

— Затем мои последние воспоминания перед тем, как ты нашла меня... — говорит он, притягивая ее к себе в объятия. — Я вез повозку с маленькими девочками... Юными ведьмами... Я вез их в тайное место, чтобы спрятать их от Волшебника. По дороге нас нашла Стража Волшебника. Я должен был защитить их, и я провалился...

— Сколько там было стражей? — спрашивает она, упираясь подбородком в его грудь, чтобы взглянуть на него.

— По меньшей мере дюжина, — отвечает Лукас.

Она хмурит брови:

— Ты был в меньшинстве. Тебе повезло, что ты все еще жив, — подмечает Дороти.

Он склоняет голову, неохотно признавая в ее словах правду:

— Я знаю, что некоторых девочек убили, — говорит он. — Но знаю, что точно выжила

только одна — Сильви... Лейт.

— Они убежали? — спрашивает она. Он кивает. — Тогда, надеюсь, они смогли добраться до безопасного места.

— Я тоже на это надеюсь. Они были просто детьми, — говорит Лукас, опустив свой подбородок на ее макушку.

— Пойдем в постель, — говорит она, сжимая его.

— Дороти, я...

— Доверься мне, — просит она, взяв его за руку и потянув за собой. — У меня есть идея.

— Мои кошмары стали только хуже, — говорит он, когда она заводит их в гостную.

— Хуже?

— Да. Я перестал спать, когда мне начало сниться, как я пытаюсь тебя убить, — тихо говорит он.

Дороти замирает у двери в их спальню:

— Что?

— В моих снах... Я пытаюсь тебя убить. Я не хочу; пытаюсь сопротивляться, но не могу остановиться, — говорит Лукас, и, когда он признается в этом, его голос дрожит.

— И это тебя пугает, — шепчет Дороти.

Он смотрит на нее, моргая от удивления:

— А тебя нет?

— Нет. Это просто сны. Я знаю, что ты никогда не попытаешься меня убить, — говорит она, уверенная в этом так, как ни в чем другом.

— Ты не думаешь... Что потому, что мои другие сны были о моем прошлом... Что эти сны...

— Пророческие? Вряд ли, — говорит она. *Что-то с этими снами не то.* — Идем.

Она затягивает его в спальню и закрывает дверь.

— Ты очень уверена, — замечает Лукас.

— Есть кое-что, что я узнала в этом стремном месте, — отвечает она, копаясь в комод.

— Если ты говоришь так, словно знаешь, о чем говорит, тебе поверят. Даже если ты и понятия не имеешь, что делаешь. Ага, — Дороти вытаскивает свой айпод и, подойдя к

кровати, начинает распутывать наушники. Вместе они забираются под одеяло, и она тихо спрашивает:

— Тебе хоть раз это удалось?

— Что?

— Убить меня.

— Нет, — отвечает Лукас. — Я всегда просыпаюсь до того, как ты перестаешь дышать. Я не знаю, бужу себя или нет. Мне кажется, что мне удастся себя разбудить.

Она молчит, потом говорит:

— Ну, это уже неплохо. На, — она отдает ему один наушник, и он послушно вставляет его в ухо.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, глядя, как Дороти вставляет второй себе, как во время их первого поцелуя.

— Нас соединит музыка. Музыка... И связанное с ней воспоминание, — говорит она, избегая его взгляд, как всегда, когда речь заходит о ее чувствах. — Я смогу увидеть, что не так с твоими снами. Надеюсь, — она ложится рядом, вместо того, чтобы, как обычно устроиться на его плече, на собственную подушку.

— Дороти... — начинает он, но сдается, зная, что она все равно сделает то, что хочет. Как всегда.

Она слабо улыбается, ища подходящий плейлист. *Расслабон*. Она ставит его, затем вздыхает, когда карамельный голос Билла Уитерса начинает петь. Она поднимает взгляд и видит на губах Лукаса улыбку, его глаза закрыты.

— Возьми меня за руку, — говорит она.

Он берет ее руку в свою, и он совсем не удивлен, ощутив холод металла ее рубиново-золотых перчаток.

«...И я знаю, я знаю, я знаю, я знаю, я знаю, я знаю, я знаю, я знаю...»

Лукас засыпает. Дороти следует за ним, ее сознание скользит по проводу наушника из ее уха к айподу, через него ко второму наушнику и в его голову.

Лукас идет по полю. Похоже на ферму, как дома, в Канзасе. Цвета ярче, не такие, как в доме ее тети и дяди; этот дом похож на сказочный.

Он идет, она идет за ним. Дороти не уверена, что он знает, где она, или даже видит ли он

ее, но она идет за ним. Он подходит к дому, затем обходит его к задней двери, как будто пытается забраться тайком.

Она видит, как напряжены его плечи. Неуверенность в его поступи. Лукас идет против своей воли.

Она идет за ним, наблюдая за происходящим, словно на экране телевизора. Она держит дистанцию, неуверенная, видит ли ее Лукас из сна. Она надеется, что он ее не видит.

Он пробирается в дом, так тихо, как возможно только в кино или снах. Дороти видит собственный затылок на спинке дивана. Как и Лукас. Он идет к ней, неестественно, но тихо. Он умудряется остановиться на мгновение, но затем дергается вперед, словно кто-то дергает его за пояс.

Дороти быстро оглядывается, пытаясь найти ту магию, что есть в ее распоряжении. Ища того, кто мог тянуть за ниточки. Она чувствует волну гнева от мысли о том, что кто-то может использовать ее Лукаса как его — нет, ее — марионетку, и ее магия вспыхивает ярче.

Лукас из сна склоняется над Дороти из сна и сзади обхватывает ее горло своей рукой, собираясь ее задушить.

Дороти толкает себя, точка ее зрения меняется, и вот она оказывается прямо перед своим телом, сопротивляющимся Лукасу, но он сильнее. Лицо Лукаса из сна — маска страдания, и Дороти чувствует новую волну гнева. На этот раз она видит голубые ленты магии, скручивающиеся вокруг него, и сияющие, как звезды.

Голубые. Цвет Глинды.

У каждой Верховной Ведьмы есть свои цвета, неизменные, как отпечатки пальцев. Голубой Глинды, зеленый Уэст, красный Дороти. Она может только предположить, что Мать Юг принадлежит оранжевый, ведь в спектре он противоположен голубому.

Дороти толкает вновь, на этот раз назад, и оказывается в своем теле из сна. Внезапно, она проживает сон Лукаса.

— Лукас, — удаётся выдать ей, несмотря на то, как сжата ее гортань. — Борись.

— Останови меня, Дороти, — умоляет он, хрипло, сражаясь с собой.

— Борись, Лукас. Это делаешь не ты, — она пытается оттолкнуть его руки и дать себе вдохнуть. — Это она...

Он замирает на долю секунды, и этого достаточно, чтобы она сумела вырваться. Ее взгляд мечется к его руке, которая уже хватается за его нож.

— Это она заставляет тебя, — говорит Дороти, не желая произносить имя ведьмы. На всякий случай.

Лукас дергано бросается вперед. Дороти уходит с его пути, поднимая руки. В странном свете этого сна на ее руках сияют перчатки.

— Сделай это, — хрипит он. — Это единственный способ остановить это, — затем он нападает вновь. Дороти дергает рукой, и он летит через комнату в стену. Нож выпадает из его руки.

— Прости, — говорит она.

— Спасибо, — охает он, уже пытаюсь встать на ноги и пытаюсь дотянуться до меча.

— Дороти... — его голос дрожит.

Не думая, она бежит к нему, хватая его голову и тянет к себе. Она смотрит ему в глаза и слышит звуки музыки из ее айпода. Плейлист сейчас на «Наконец» Этты Джеймс. Она не уверена, только ли это в ее голове или он тоже слышит, но у нее нет времени подумать об этом.

Она целует его.

Две секунды спустя его меч падает на пол. Дороти отрывается от него и видит, как красные искры берут верх над голубыми. Голубой тает, и на мгновение он весь тонет в красном сиянии.

Затем красный исчезает. Дороти забирает их, не жалея брать его под свой контроль. Сны — дело личное, и она не хочет вмешиваться еще больше.

— Мне пора, — говорит она.

— Не уходи, — тут же просит он.

— Я не могу здесь остаться, Лукас. Это твой сон, и моему сознанию не место в твоей голове. Как и сознанию Глинды. Твоя версия меня из сна останется, но... Настоящая я должна уйти, — объясняет она.

— Но...

Дороти нежно целует его в губы и шепчет:

— Будет неправильно, если я останусь. Она больше не причинит тебе боли.

— Спасибо, — повторяет он. Затем он наклоняется и жадно целует ее, крепко сжимая ее в объятиях.

Дороти неохотно тянет свое сознание из своего нереального тела, оставляя Лукаса в уединении сна.

Охнув, Дороти внезапно садится, звуки «Красоток» Принца исчезают, когда наушник выпадает из ее уха. Она глубоко вдыхает и накрывает рукой бешено бьющееся сердце.

Она оглядывается на Лукаса, и выглядит мирно спящим. Она нежно гладит его лицо. Он стонет, но это не стон боли. Быстрый взгляд на нижнюю часть его тела подтверждает, что он *определенно* не страдает.

Она хмыкает, затем аккуратно вытаскивает наушник из его уха, прежде чем вернуться в кровать. Она ложится на бок спиной к нему, и Лукас тут же ее обнимает.

Она вздыхает, закрывая глаза, пока его рука скользит между ее грудей и замирает там.

У меня получилось.

Дороти просыпается спустя какое-то время. Она оглядывается, пытается понять, настало ли утро. Ее мочевого пузыря определенно в этом уверен, так что она встает в ванную к ненавистному горшку.

— Домашний водопровод, — бормочет она. — Изобретите его уже.

Быстрый взгляд в окно подтверждает, что да, уже утро, но она все еще чувствует себя усталой, так что она решает вернуться в постель. Но едва она делает шаг, как чувствует покалывание в затылке.

Глинда здесь.

Ее обуревают ярость, она идет к двери и резко ее распахивает.

Лиа и Рекс подпрыгивают от ее внезапного появления и злобного выражения лица.

— Мисс Дороти, мы...

— Где она? — низко и зловеще спрашивает Дороти, закрывая за собой дверь. — Глинда. Я знаю, что она здесь; где эта бледная сучка?

Лиа замирает, краснея, но Рекс говорит:

— С госпожой Уэст в ее кабинете, — говорит он.

Дороти несется к двери.

— Мисс! Вы не хотите сначала одеться? — спрашивает Лиа, глядя на свою госпожу, одетую только в рубашку Лукаса.

— Нет. Мне нужно разобраться с ней *сейчас*, пока я вне себя, — говорит Дороти. Она

смотрит на Рекса. — *Не буди его*, — добавляет она, указав на дверь спальни. — Мне плевать, где он должен быть утром. Отмени все. Ему нужно поспать, — она поворачивается на пятках и хватается за ручку двери.

— Спасибо, мисс Дороти, — тихо говорит Рекс, и Дороти останавливается на мгновение, только чтобы ему кивнуть. Очевидно, она не единственная, кто волнуется о Лукасе.

Она несетя по коридорам, ловя на себе странные взгляды. Ей плевать.

Когда она достигает двери Уэст, она стучится только из вежливости к хозяйке дома.

— Входи, Дороти, — зовет Уэст. На ее лице написано любопытство, как будто она знает, что сейчас развернутся врата ада.

— Как ты смеешь! — Дороти подходит и встает перед Глиндой.

У Глинды хватается наглости изобразить непонимание:

— О чем ты?

Дороти щурится:

— Ты *прекрасно* знаешь, о чем я, — говорит она. — Он не спал целыми днями... Может быть, неделями.

— О, дорогой, — говорил Глинда, прихлебывая чай. — Он страдает бессонницей?

— Единственное, от чего он страдает, это *твое* вмешательство!

Глинда со стуком ставит чашку на стол.

— Я уверена, что не знаю, что ты имеешь в виду.

— Ты *насиловала* его!

— Прошу прощения!

— Черт возьми, ты должна просить прощения, стерва. Держи свои старые шишковатые культи подальше от головы Лукаса, — рявкает Дороти.

Глинда встает.

— Следи за языком, *девочка*, пока я не отделила его от твоей головы, — угрожает она.

Дороти прищуривает глаза:

— Ты меня не испугаешь, — говорит она.

— Возможно, нет. Особенно потому, что очевидно, что не тебе мне нужно угрожать, чтобы донести свою точку зрения, — говорит Глинда. Дороти поднимает брови, и Глинда понимает, что выдала себя. — Я...

— Слишком поздно, — бормочет Уэст, фыркая в свою чашку.

Дороти подходит к Ведьме Севера ближе:

— Держись. От него. Подальше.

— Я буду делать то, что мне угодно, — отвечает Глинда, пытаюсь удержать лицо.

— Ну конечно. Пусть так. Никто из нас ничего тебе не сделал. Он не сделал ничего, чтобы спровоцировать тебя, и ты нападала на него каждую ночь, пока он спал. Как *трусиха*.

— Он оставил меня! — кричит она, наконец теряя свое спокойствие.

— Ты оставила его, беспамятного, умирать! — кричит Дороти.

— Он был *моим*...

— Он человек! Он не твоя собственность, он никогда ею не был!

Глинда моргает, затем говорит:

— Как и не твоя.

— А я обратного и не утверждала. И я не обращаюсь с ним так, — говорит Дороти.

— Да знаю я, как ты с ним обращаешься, — отвечает Глинда.

— Ты и понятия *не имеешь*, как мы друг с другом обращаемся, — рычит Дороти, делая шаг ближе.

На этот раз Глинда отступает.

— Держи свой длинный нос подальше от наших дел. Найди себе другого рыцаря, а моего оставь в покое, — продолжает Дороти. Ее голос тихий, но по-прежнему угрожающий.

— И где твой храбрый рыцарь сейчас, пока его госпожа сражается за него?

— спрашивает Глинда. Она вернула свое самообладание, но едва-едва.

— Мирно спит, — рявкает Дороти. — И если я увижу хоть *одну* голубую искру возле него... Я скажу Сильви. Лейт, — она делает паузу и добавляет. — Разумеется, сейчас ты уже знаешь, на что она способна, а?

Часть шестая

Дороти скидывает обувь и без сил падает на диван в гостиной. Уэст, на удивление, хороший учитель, особенно, когда трезвая, но безжалостный. Дороти держится из чистого упрямства и гордости, но к концу дня она совершенно никакая.

Тото подходит к ней и укладывает мохнатую морду на ее бедро. Она вяло роняет руку и запускает пальцы в его мягкий мех, почесывая его между ушей. Он выдыхает в собачий знак сочувствия, и она чешет его ухо.

— Ага, — соглашается она, сама не зная с чем. — Где...

Тото внезапно поднимает голову, и мгновение спустя раздается стук в дверь. Он топает к двери, виляя хвостом, глядя на еле ползущую к двери Дороти. Она знает, что по ту сторону не Лукас, потому что он не стучит. А еще она знает, что это кто-то дружелюбный, потому что Тото не рычит.

Она открывает дверь, и за ней оказывается одна из служанок Уэст.

— Простите, госпожа, — говорит она. — Для вас пришло письмо, — протягивает она зеленый конверт.

— Спасибо...?

— Галиана, госпожа, — подсказывает девушка.

— Спасибо, Галиана. Ты знаешь, где Лукас? — спрашивает она.

— Насколько мне известно, он все еще у внешних стен, помогает укрепить их, — отвечает Галиана.

— О, хорошо, — бормочет Дороти. — Спасибо.

— Госпожа, — кланяется Галиана в ответ и уходит.

Дороти как раз собирается закрыть за ней дверь, как ту блокирует сильная рука.

— О! Прости! — восклицает она.

— Ничего, — говорит Лукас, — ты меня не заметила. — Он наклоняется и целует ее в лоб, затем идет за ней к дивану. — Что это? — спрашивает он, снимая ремень с мечом прежде чем сесть.

— Письмо, — отвечает она, разглядывая конверт.

Он снимает сапоги и смотрит, как она вертит его.

— Это печать Волшебника, — замечает он.

— Да, я уже поняла, — отвечает она. — Я не хочу знать, чего он хочет.

Ее первая аудиенция с Волшебником была короткой, но запоминающейся. И не в хорошем смысле. После этой встречи она чувствовала себя сконфуженной, недовольной и раздраженной. В конце концов, Волшебник был мошенником, чья власть зиждилась на опасной смеси уверенности, небольшой щепотки ума и слепой удачи.

— Я тебя понимаю, но лучше его прочесть, — советует Лукас. Дороти вздыхает, протягивает ему конверт и ложится на диван так, что ее ноги теперь лежат на его коленях. Он фыркает и ломает печать, читает, затем говорит: — Он хочет с тобой встретиться.

— Фу, — стонет она. — Ну зачем?

— Здесь не сказано, — отвечает он. — Завтра утром, после завтрака, — сообщает он.

Она протягивает руку, и он вкладывает в нее письмо.

— Он наверняка снова хочет поинтересоваться, не убью ли я для него Глиндю, — говорит она и искоса смотрит на Лукаса. — Если я и убью, то это сто процентов будет не из-за него.

Он тихо смеется, его взгляд падает на его колени, где лежат ее ноги. Он берет ее стройную ногу и начинает делать массаж — с той же задумчивой сосредоточенностью, с которой Лукас делает все. Когда она вздыхает, он замечает, что она закрыла глаза, ее губы улыбаются, и его обычно хмурый рот тоже складывается в улыбку.

— Я пойду с тобой, — говорит он наконец.

— Спасибо, — отвечает Дороти. Она думала о том, чтобы попросить его пойти вместе с ней; она совсем не хотела идти в одиночку. Она так ему об этом и говорит.

— Я знаю, — отвечает он.

Следующим утром Дороти еле передвигает ноги, пытаясь отодвинуть неминуемое. Она тянет время в ванной, затем еще полчаса ходит в халате, и завтракает в их комнатах вместе с Лукасом, который тоже не спешит на грядущую встречу.

— Мисс, вы готовы одеться? — неуверенно спрашивает Лиа, когда с едой покончено.

— Да, наверно, — отвечает Дороти, поднимаясь на ноги. Она идет к спальне, Лиа — за ней.

— Что-то не так, мисс? — спрашивает Лиа, когда они остаются наедине. Она пыталась не замечать, как вяло тек разговор за завтраком — не то, чтобы Лукас такой болтун — но

это не могло не остаться незамеченным. Чувствуя разлад между своей госпожой и ее консортом, она хотела спросить лично.

— Нет. Да. Не знаю, — отвечает Дороти. — Сегодня платье, — добавляет она.

Лиа ничего не говорит, но она в недоумении.

— Да, мисс, — бормочет она, откладывая удобные брюки и блузу, которые она только что вытащила из гардероба. — Есть предпочтения?

— Что-то, что сделает меня страшнее, чем я есть. Увереннее. Сильнее, — говорит Дороти. — Волшебник попросил встречи со мной.

— О... — Внезапно все обретает смысл. Лиа видела Волшебника всего несколько раз, издалека, и ее это вполне устраивало.

— Я не знаю, чего он хочет, — отвечает на произнесенный вопрос служанки Дороти.

— Не могу сказать, что завидую вам, — тихо отвечает Лиа, осматривая вешалки в поисках особенного платья. — А. Кажется, вот это подойдет, — она вытаскивает красивое алое платье с золотой отделкой.

Дороти едва на него смотрит, кивает и с помощью служанки облачается в него. Алый сатин с золотой вышивкой на поясе, уходящей к вороту, словно жилет. На спине нижняя часть юбки словно сделана из жидкого золота.

— Вы выглядите прекрасно, мисс, — говорит Лиа, когда Дороти садится и начинает укладывать волосы в высокую прическу, оставив лишь несколько вьющихся прядей у лица.

Дороти наконец замечает, как выглядит.

— Спасибо, Лиа. Платье идеально.

Выбрав подходящие туфли, она возвращается в гостиную к ждущему ее Лукасу.

— Дороти... — охает он с открытым ртом. — Ты выглядишь...

Она улыбается и берет его за руку.

— Итак, нас ждет Волшебник, — говорит она, вздохнув, и ведет его к двери.

Прогулка по городу по меньшей мере занимательна. Люди убираются с их пути (хотя никто об этом не просил), и все их замечают.

Непривычная к такому вниманию, Дороти шепчет Лукасу:

— Все смотрят.

— Конечно, смотрят. Ты же Ведьма Востока, — отвечает он, за руку утягивая ее к дворцу Волшебника

— Пока нет, — возражает она.

— Они об этом не знают, — он умолкает на секунду, затем низким голосом добавляет.

— А еще ты абсолютно обворожительна в этом платье.

Она останавливается, смотрит на него, улыбается и продолжает идти.

Они проходят еще немного и им встречаются стоящие у ворот стражники.

— Меня ждет Волшебник, — говорит Дороти, ожидая какого-нибудь возражения. К ее удивлению, стражник, ни сказав ни слова, открывает ворота. Впрочем, он, не отрываясь, смотрит на Лукаса.

— Ты знаешь его? — тихо спрашивает она, пока второй стражник ведет их внутрь.

— По своей прошлой жизни, — отвечает Лукас. — Я узнал большинство стражников, мимо которых мы прошли.

— Ты скучаешь? — спрашивает она.

— Ну, на самом деле я никогда не был настоящим Стражем Волшебника. Глинда увела меня еще когда я был кадетом, — говорит он.

— А, да, точно, — отвечает Дороти, хмурясь.

Он смотрит на нее, его взгляд мягок:

— И все же... Я не скучаю по своей... Прошлой жизни, — говорит он.

Она знает, что он имеет в виду «до нее», и с любовью сжимает его руку. Наконец они достигают верха лестницы и двери.

— Ждите здесь, — приказывает стражник. Он стучит три раз, затем входит.

Дороти непонимающе смотрит на Лукаса, но он пожимает плечами, такой же сконфуженный, как и она.

Минуту спустя стражник возвращается.

— Вы можете войти, — говорит он. Дороти и Лукас делают шаг, и стражник останавливает Лукаса. — Только ведьма.

— Я не пойду без него, — говорит Дороти, делая шаг к стражнику.

— Волшебник настаивает...

Лукас отбрасывает руку стражника:

— Я бы на твоём месте с ней не спорил, Ниал, — говорит он, заметив наметившееся на руках Дороти золотистое сияние.

— Или он идет со мной, или я. Не. Иду, — с нажимом говорит Дороти. Ни за что на свете она не собирается увидеться с этим помпезным, манипулирующим пустозвоном наедине. Она может быть и новенькая здесь, но не *настолько* новенькая. И не глупая.

Ниал видит сжимающиеся руки Дороти, сияющие перчатки Ведьмы Запада, Самой Милосердной и Суровой. И, не желая проверять, какое качество возобладает, он отступает и позволяет им обоим войти.

— А, Дороти, приятно видеть... — начинает подготовленную речь Волшебник легким тоном и обрывает себя.

— Если ты думал, что я приду одна, ты ошибся, — говорит она. Лукас идет за ней, близко, высокий и надёжный, его рука лежит на навершии меча совершенно обыденно. На первый взгляд.

На долю секунды лицо Волшебника ожесточается.

— Я понимаю твоё желание держать своего телохранителя на расстоянии вытянутой руки, особенно, учитывая, что ты еще не конца стала Ведьмой Запада, — говорит он.

— Пожалуйста, присаживайтесь. — Он указывает на скамью, достаточно большую для них обоих.

Дороти игнорирует его укол и грациозно садится. Лукас остается стоять.

— Чаю? — предлагает Волшебник, указывая на чайный поднос на маленьком столике.

— Нет, спасибо, — отказывается она. — Зачем ты хотел меня видеть? — спрашивает она, решив сразу перейти к делу. Она не хочет тратить время на пустые любезности, особенно, если она могла провести это время, тренируясь.

Волшебник усмехается:

— Прагматичная, прямо как твоя мать, — говорит он. — Я хочу кое-что тебе показать.

— Что? — спрашивает Дороти, пытаясь представить, чем таким он может обладать, что может ее заинтересовать.

— Это здесь, — говорит он. — Идем.

Она снова встает и следует за ним к очередной двери. Волшебник открывает ее и нарочито входит первым, показывая, что это безопасно. Но Лукас все равно мягко останавливает ее, взяв ее за руку, и входит первым, прежде чем выпускает ее.

— Что это? — спрашивает она. В середине огромного зала находится нечто вроде камеры с панелью управления за ней.

— Твой билет домой, — объявляет он, делая широкий жест и указывая на камеру. — Это циклонная камера. Она может поймать бурю и отправить тебя туда, где твое место.

Дороти наклоняет голову:

— Не ты ли сказал «Добро пожаловать домой» при нашей первой встрече?

— спрашивает она.

Волшебник моргает.

— Я? Ну, просто потому, что ты была где-то рождена, это не делает это место «домом», — поспешно говорит он. — Возьми меня, к примеру. Оз — мой дом, но я был рожден не здесь.

Дороти чувствует, как стоящий за ней Лукас источает напряжение. Она знает, что он прекрасно чувствует ложь, и что будет довольно одного ее слова, чтобы он пронзил Волшебника своим мечом. Увы, самое вопиющее, что этим утром сделал Волшебник, был его легкий «козлизм».

— Как я могу быть уверена, что она отправит меня обратно в Канзас? — спросила она.

— Честно говоря, не можешь, — отвечает он. — Но она присылала сюда *других* людей.

— Карен, — тихо догадывается Дороти.

Волшебник кивает.

— Я предлагаю тебе шанс вернуться домой, — говорит он, пытаясь изобразить щедрость. — Ко всему, что тебе дорого и любимо.

Дороти подходит к камере, изучая ее. *Было бы здорово вернуться домой. Снова увидеть Эм и Генри.* Она оборачивается и видит, как за ней следит Лукас, старательно удерживая выражение лица нейтральным, но недостаточно нейтральным для нее. *Хотя он ошибается. Не все, что мне дорого, в Канзасе. Больше нет.*

— А что тебе с этого, Фрэнк? — Она резко оборачивается и зовет Волшебника его настоящим именем, просто чтобы поддеть.

Надо отдать ему должное, он выглядит раздраженным только мгновение.

— Я просто хочу помочь соотечественнице, — говорит он, но уже не так убедительно.

— Ты хочешь вернуться домой. Я могу это сделать.

— Если ты думаешь, что я поверю в твое бескорыстие, ты заблуждаешься, — отвечает Дороти. — Нет. Каким-то образом ты выиграешь от моего ухода, — она встает рядом с Лукасом. — И это само по себе причина остаться, — резко говорит она.

Он ощетинивается.

— Я не стану предлагать дважды, — говорит он. — Сейчас или никогда.

— Не лучшая из песен Элвиса, — отвечает она. — Мы уходим. — Она берет Лукаса за руку и тянет к двери.

— Ты пожалеешь об этом решении! — рывкает он, спеша за ними, но они уже вышли на улицу.

хХх

На пути к дому Уэст Лукас странно молчалив. Дороти это замечает, но ничего не говорит, зная, что он заговорит, когда будет готов, и даже если он готов сейчас, он не станет говорить, пока они не останутся наедине.

Она берет его за руку, сцепив их пальцы, и они молча идут домой, рука в руке.

Домой. Слово о значении которого Дороти не задумывалась до тех пор, пока не оказалась здесь. Она долго думала об этом после своего прибытия, но лишь сейчас начала понимать, что «дом» это скорее идея, чем просто место.

Когда они возвращаются, Лиа и Рекс ждут их с новостями. Лукас уходит, чтобы позаботиться о каких-то возможных незваных гостях, едва успев посмотреть Дороти в глаза, прежде чем она исчезает в гардеробной, чтобы переодеться.

Уэст с нетерпением ждет ее возвращения, потребовав все детали ее встречи с Волшебником. Дороти чувствует облегчение, когда Уэст кажется довольной тем, как она вела себя, и с Волшебником, и во время прогулки в городе, но тень беспокойства о Лукасе все равно омрачает ее мысли.

К счастью, она сумела сфокусироваться на обучении и так влилась, что день просто пролетел.

— Не жду тебя на ужин, — комментирует Уэст, когда они заканчивают.

— Хм? — переспрашивает Дороти с непониманием.

— Тип, ужин госпожи Дороти и ее консьорта отправь прямо в их комнаты, — говорит она, и Тип кивает и уносится.

Упоминание Лукаса напоминает Дороти, что есть требующая решения проблема.

— Точно, — бормочет она. — Как ты...?

Уэст фыркает.

— С тех пор, как вы вернулись, у вас не было и минуты, чтобы поговорить, и твоему мужчине очевидно нужно твое утешение, — говорит она.

— Может быть, — соглашается Дороти. *Может быть, он хочет, чтобы я ушла.*

— Я кое-что знаю о том, как мужчины думают и действуют, — останавливает ее Уэст.

— Или ты забыла, что это за место? — спрашивает она, обводя комнату жестом.

Дороти усмехается:

— Как будто я могла забыть, — отвечает она, глядя, как мимо них с поклоном проносится едва одетая девица.

— Утешай его всю ночь, если нужно, — подмигивает Уэст и уходит.

Дороти возвращается в свои комнаты — там ее ждет не только Лукас, но и ужин.

— Как быстро, — замечает она, и Лукас резко поворачивается — он стоял спиной и смотрел на панораму города сквозь открытые балконные двери.

— Хм? — переспрашивает он.

— Ужин. Я не думала, что его уже подали, — объясняет она. — Как... Что там с нарушителями?

Он дергает плечом:

— Всего лишь дети, — говорит он. — Любопытство может быть опасно.

Она вздыхает и садится, скидывая туфли.

— Точно, — соглашается Дороти. Она замечает, что он все еще полностью одет, меч на поясе, сапоги, и говорит. — Ты только что вернулся?

— Прямо перед тобой, — говорит он, нахмутив брови. Она указывает на его талию, молча объясняя свой вопрос, и Лукас опускает взгляд. — А, — мягко восклицает он и начинает расстегивать пояс, зная, что она предпочитает его необремененным оружием, когда они наедине. Он снимает с себя кинжал и наклоняется, чтобы сдернуть сапоги.

— Долгий день, — бормочет он.

— Да неужели, — соглашается она, зная, что у него определенно что-то есть на уме. Она встает и подходит к нему со спины. — Пойдем, поедим, — говорит она мягко, протягивая

руки, чтобы стянуть с его плеч плащ.

— Это не твоя работа, — бормочет он, глядя на нее через плечо и почти улыбаясь.

— Да ладно, ты же знаешь, что хочу, то и делаю, — говорит Дороти, отбрасывая его плащ. Она кладет руки на его бока и ведет к столу.

От ее замечания на его лице появляется маленькая улыбка, но затем Лукас говорит:

— Слишком хорошо знаю, — и весь его юмор исчезает.

Они садятся, и она по-прежнему подавляет в себе желание задать вопрос. *Он заговорит, когда будет готов.*

Когда они утолили жажду и голод — у них обоих не было обеда — он наконец спрашивает.

— Почему ты не согласилась?

Его голос такой тихий, что Дороти не уверена, правильно ли его расслышала.

— На что? — переспрашивает она.

— Почему ты не вернулась? Обратю в Канзас, — повторяет он. — Я помню, что ты сказала Волшебнику, и знаю, что ты что-то утаила.

Она кивает, затем делает глоток вина.

— Да, — подтверждает она. — Я... Я ему не доверяю. И потому, что я ему не доверяю, я не собираюсь сообщать ему все, что происходит моей голове.

Лукас долго смотрит на нее, затем спрашивает:

— Ты доверяешь мне?

— Ты *единственный*, кому я доверяю, Лукас, — говорит она без промедления. — Тебе и Тоту, — добавляет она, и пес поднимает голову на звук своего имени и со вздохом опускает ее. — У меня... У меня такое чувство, что я нужна здесь, — твердо говорит она, прежде чем он вновь спрашивает. — Я не знаю, почему, но мне кажется, что я здесь нужна. По крайней мере, еще какое-то время.

Лукас кивает, тыча вилкой в тарелку.

— И Волшебник ошибался, — говорит она, глядя на него.

— В чем?

Она утыкается взглядом в тарелку.

— Что все, что мне дорого, находится в Канзасе. Это не правда. Больше нет, — говорит она и быстро откусывает. Когда Дороти вновь поднимает взгляд, у нее замирает дыхание от мягкого, открытого выражения его лица, хотя он молчит и просто смотрит на нее. А еще она чувствует теплую дрожь внизу живота, которая не имеет никакого отношения к еде.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, и закрывает его. Затем тянется к бокалу и отпивает, прежде чем сказать:

— Я... Рад, что ты осталась.

— Я рада, что ты рад, — глупо отвечает она, положив вилку на стол. Она откидывается на спинку стул, наблюдая, как он заканчивает с едой, пытаюсь решить, стоит ли задавать тот вопрос, который Дороти так хочет задать.

— Что такое? — спрашивает он, вытирая губы салфеткой.

Ее взгляд взлетает к его губам, затем вновь к глазам, наблюдающим за ней, ждущими, что она скажет.

— Когда... *Если* я вернусь в Канзас... Ты... Ты пойдешь со мной? — тихо спрашивает она.

Лукас тут же встает, обходит столик и поднимает ее на ноги. Не говоря ни слова, он опускает голову и целует ее с такой страстью, что у нее подкашиваются ноги.

— Это да? — удается вставить Дороти между голодными поцелуями.

Он поднимает ее в воздух, держа руками за талию. Она обвивается вокруг него, ногами и руками, пока он несет ее в спальню, пинком захлопнув двери, прежде чем прижать ее к ней и вновь поцеловать.

— Да, — рычит он, затем опускает на пол, но только затем, чтобы рывками стянуть остаток их одежды. Затем Лукас вновь поднимает и спиной прижимает к пустой стене.

— Почему? — спрашивает она, пока еще может думать.

Ее вопрос застает его врасплох, и он замирает, отрывая губы от ее шеи. Он смотрит на нее, затем прижимается лбом к ее и закрывает глаза.

— Я... Я люблю тебя, Дороти, — признается он. — Единственное место, где я хочу быть — это рядом с тобой. И если единственный способ быть с тобой это отправиться в Канзас, значит так и будет.

— О Боже, — выдыхает Дороти, не зная, чему она так удивлена. Она видела это в его глазах каждый раз, когда он смотрел на нее, но услышать, как он произносит эти слова вслух, словно разбиться на тысячу кусочков, которые только он может вновь собрать вместе.

Лукас целует ее, крадя все слова, которые она могла сказать. Она прижимается к нему, запустив руку в его волосы. Он держит ее бедра, внезапно и глубоко вонзаясь, и она стонет ему в рот.

— Прости, — извиняется он, продолжая неумолимо двигаться, и каким-то образом превращая трах у стены в занятие любовью. Отчаянной, безнадежной, голодной, но определенно *любовью*.

— Невсхоршо, — невнятно бормочет она, вонзая ногти в его затылок и плечо, задыхаясь от стонов и охов, не обращая внимания ни на впивающуюся в лопатки твердую стену, ни на то, как горят бедра, стискивающие его талию, забыв обо всем, кроме удовольствия и любви между ними.

Лукас рычит, пряча лицо в ее шее, и она вскрикивает, кончая, за секунду до того, как он замирает, его сильное тело, словно натянутая струна.

Мгновение спустя он расслабляется, и она обмякает в его руках. Дороти запоздало замечает сияние перчаток на своих руках, прежде чем они тают.

— Я тоже люблю тебя, — шепчет она ему на ухо.